

Оригинальная статья
УДК 316.614
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-99-112>

Логические и исторические аспекты генезиса русской социологии (на примере Н. Я. Данилевского и Н. К. Михайловского)

Александра Вениаминовна Щербина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Введение. В статье актуальная проблема национализации современной отечественной социологии связывается с прояснением логических и исторических аспектов генезиса русской социологии.

Методология и источники. Теоретическими источниками исследования послужили труды представителей русской традиции историографии социологических учений (Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, П. А. Сорокина) и современных российских историков социологии (А. И. Голосенко, Ю. Н. Давыдова). Для сравнительного анализа понятийно-категориального аппарата русской социологии используется потенциал биографического метода и привлекаются произведения Н. Я. Данилевского и Н. К. Михайловского. Эмпирическую базу составили материалы публичных дискуссий в российских медиа о национализации науки и образования, экспертные оценки. Используются методология социокультурного анализа, социального конструктивизма, типологический подход.

Результаты и обсуждение. В статье рассматривается связь теоретических построений первых русских социологов с их историческим видением и аксиологическим сознанием. В «парадигмальных личностях» Михайловского и Данилевского выразилось расщепление эмансипирующейся социальной мысли на науку и управленческую деятельность и на нравственно-педагогическую практику. Критика эволюционистско-прогрессистского прочтения формулы «Россия и Европа» Михайловским выражается в теоретическом различении типов и стадий социальной эволюции. Положенная в основание внерелигиозная нравственно-догматическая установка субъективной социологии сводит содержание этих категорий к комбинаторике показателей разделения/интеграции, однородности/разнородности. Декларируемая ею ориентация на нравственный идеал вызывала сочувствие русской интеллигенции, в отличие от идей Данилевского, – ученого, передового чиновника, макроэкономиста. Обосновывается актуальность разработанного им типологического подхода к мировой истории и метода моделирования сравнительных типов. Культурно-исторические типы – это деидеологизированные понятия, конструируемые для анализа исторических событий, построения моделей и сценариев взаимодействия «исторических индивидуальностей» и выделения существенных элементов потенциала их будущего развития.

Заключение. Новый этап во взаимодействии России и Европы характеризуется кризисом политической субъектности Европы, снижением ее роли в мир-хозяйственных связях. Обращение к началу русской социологии позволяет выделить точки расхождения в постановках вопроса о типе субъектности России, соразмерном ее природному и культурному потенциалу, и направлениях поиска ответа.

© Щербина А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Россия и Европа, Н. Я. Данилевский, Н. К. Михайловский, типы и стадии социальной эволюции, историческая индивидуальность, культурно-исторический тип, субъективный метод, нравственный идеал

Для цитирования: Щербина А. В. Логические и исторические аспекты генезиса русской социологии (на примере Н. Я. Данилевского и Н. К. Михайловского) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 99–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-99-112.

Original paper

Logical and Historical Aspects of the Genesis of Russian Sociology (on the Example of N.Ya. Danilevsky and N.K. Mikhailovsky)

Alexandra V. Shcherbina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Introduction. In the article, the actual problem of the nationalization of modern Russian sociology is associated with the clarification of the logical and historical aspects of the genesis of Russian sociology.

Methodology and sources. The theoretical sources of the study were the works of representatives of the Russian tradition of the historiography of sociological doctrines (N.I. Kareev, M.M. Kovalevsky, P.A. Sorokin) and modern Russian historians of sociology (A.I. Golosenko, Yu.N. Davydov). For a comparative analysis of the conceptual and categorical apparatus of Russian sociology, the potential of the biographical method is used and the works of N.Ya. Danilevsky and N.K. Mikhailovsky are involved. The empirical base was made up of materials of public discussions in the Russian media on the nationalization of science and education, and expert assessments. The methodology of socio-cultural analysis, social constructivism, typological approach is used.

Results and discussion. The article deals with the connection of the theoretical constructions of the first Russian sociologists with their historical vision and axiological consciousness. In the “paradigm personalities” of Mikhailovsky and Danilevsky, the splitting of the emancipating social thought into science and managerial activity and moral and pedagogical practice was expressed. Criticism of the evolutionist-progressive reading of the formula “Russia and Europe” by Mikhailovsky is expressed in the theoretical distinction between types and stages of social evolution. The non-religious moral and dogmatic attitude of subjective sociology laid at the foundation reduces the content of these categories to the combinatorics of indicators of division/integration, homogeneity/heterogeneity. Her declared orientation towards the moral ideal aroused the sympathy of the Russian intelligentsia, in contrast to the ideas of Danilevsky, a social thinker, an advanced official, and a macroeconomist. The relevance of the typological approach to world history developed by him and the method of modeling comparative types are substantiated. Cultural-historical types are de-ideologized concepts designed to analyze historical events, build models and scenarios for the interaction of “historical individuals” and highlight the essential elements of the potential for their future development.

Conclusion. A new stage in the interaction between Russia and Europe is characterized by a crisis of Europe's political subjectivity, a decrease in its role in world economic relations. Turning to the origins of Russian sociology allows us to identify points of divergence in the formulation of the question of the type of subjectivity in Russia, commensurate with its natural and cultural potential, and in the directions of the search for an answer.

Keywords: Russia and Europe, N.Ya. Danilevsky, N.K. Mikhailovsky, types and stages of social evolution, historical individuality, cultural-historical type, subjective method, moral ideal

For citation: Shcherbina, A.V. (2023), "Logical and Historical Aspects of the Genesis of Russian Sociology (on the Example of N.Ya. Danilevsky and N.K. Mikhailovsky)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 99–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-99-112 (Russia).

Введение. Призывы к обновлению общественно-политического дискурса звучат сегодня в академическом сообществе, СМИ и социальных медиа. Они синхронизированы с заявлениями о необходимости национализации капиталов, элит, образования. В этом контексте актуализируется запрос и на национализацию отечественной социологии. С. А. Кравченко полагает, что в условиях геополитических вызовов нам необходима «суверенизация отечественной социологии, понимаемая как национально ориентированные междисциплинарные теории» [1, с. 51].

Вопрос о национализации русской социологии уже поднимался. Показательна полемика сторонников и скептиков национальной социологии десятилетней давности. В ней приняли участие видные отечественные социологи (обзор заявленных позиций см. [2]). Впрочем, в ходе дискуссии оппоненты были согласны, что «ориентация на тот или иной теоретико-методологический стандарт ни при каких обстоятельствах не может заглушить уникальность социального опыта» [3, с. 24]. Ю. Г. Волков отмечает, что «такая постановка вопроса актуализирована не только в отечественном, но и в современном зарубежном научном дискурсе» [2, с. 35].

Как своевременно напоминает Л. А. Козлова: «Образ прошлого социологии влияет на ее самоидентификацию и развитие, на самосознание социологов, на интерес к ней новых поколений исследователей, на престиж в обществе и авторитет в мировой науке [4, с. 102]. Разделяемые социальными мыслителями ориентации на определенные теоретико-методологические стандарты, их продвижение, институционализация, критика, в свою очередь, составляют часть уникального социального опыта. Осмысление (и переосмысление) этого опыта позволяет прояснить возможности социологического мышления, которые заявили о себе «в начале» русской социологии, но были сначала заглушены, а затем и вытеснены из утилитарно-реалистического, подчиненного схемам марксизма-ленинизма, дискурса и из центра общественного сознания.

Методология и источники. Значимым методологическим и мировоззренческим источником для современной отечественной социологии может быть так называемая русская социология. Прояснение логических и исторических аспектов генезиса русской социологии в ее связи с состоявшимися и только формирующимися исследовательскими направлениями – историческими, геополитическими, политико-правовыми, экономическими, демографическими, статистическими – предполагает анализ понятийно-категориального аппарата, создаваемого первыми русскими социологами (социальными мыслителями, публицистами) в атмосфере острой полемики, ставшей возможной в эпоху реформ и в пореформенной Российской империи. Особенности теоретико-методологических предпочтений русских социальных мыслителей («стандартов», о которых шла речь выше) во многом определялись их видением иерархии значимости для России тех или иных социальных вопросов.

Обращение к своим культурным традициям диктуется актуальной повесткой – сегодняшним противостоянием России и Европы. Неслучайно в выступлениях официальных

лиц, президента РФ появились такие социогуманитарные конструкции, как «самобытная цивилизация» [5]. Цивилизация как «культурная общность наивысшего ранга», «конфликт цивилизаций» – эти понятия стали особенно популярными в 90-е гг. XX в. с легкой руки С. Хантингтона и вышли далеко за пределы академического интереса. Приоритет в постановке задачи выразить средствами науки проблему единства человеческого рода и многообразия человеческих путей в истории принадлежит автору книги «Россия и Европа» – Н. Я. Данилевскому. Он сформулировал ее задолго до О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби, развивая типологический подход к мировой истории.

Результаты и обсуждение. В 90-е гг. XX в. казалось, что в формуле «Россия и Европа» «и» может быть прочитано как «вместе» («от Лиссабона до Владивостока» – авторство образа принадлежит Данилевскому). Россия и Европа, характер их связи, способы их взаимодействия стремительно меняются. Вместо «и» – «или», «против», «без»... Сегодня вменяется разочарование в Европе, во многом вынужденное, отягощенное рессентиментом, сопровождаемое угрозой изоляции, опасностью чрезмерной азиатизации России.

Тема самоопределения России стала насущной не только для богемно-элитарного мышления, но и для массового, обыденного сознания. Эволюционизм и прогрессизм классической западной социологии благодаря «социологическому просвещению» глубоко проникли в социальные представления. Формула «Россия и Европа» зачастую читается так: догоняющая, модернизирующаяся, встраивающаяся, глобализирующаяся, т. е. отсталая, традиционалистская, внутренне расколота Россия и передовая, субъектная, задающая стандарт развитости Европа (Запад).

Н. Я. Данилевский был первым, кто деидеологизировал эту формулу. Он предложил концептуальные модели и аналитические перспективы, эвристически значимые для современного социально-гуманитарного знания, для обновления нашего социологического языка. Думается, что, отвечая потребностям кризисного массового сознания, уверенно диагностируемого социологами, они способны произвести и своего рода целительное воздействие на социальные представления.

Обращаясь к традиции, заявляя установку на возобновление прерванных традиций, мы не должны недооценивать роль личностей. Структура образованности в России, неразвитость институциональных условий, слабая преемственность научного поиска и условность научных школ порой мешают нам разглядеть масштаб фигур, находящихся как бы в тени. Согласно так называемой «русской традиции историографии социологических учений», восходящей к Н. И. Карееву, «первое социологическое направление в России получило название «субъективной социологии»» [6, с. 38]. Оно появилось во второй половине 1860-х гг. и было представлено П. Л. Лавровым, Н. К. Михайловским и С. Н. Южаковым.

«Классик» русского народничества, «властитель дум» русской интеллигенции Н. К. Михайловский обладал в русском обществе огромной и долгой популярностью. Значительно меньше повезло Н. Я. Данилевскому, автору книги «Россия и Европа». С ее первоначальной публикации прошло чуть более 150 лет. Сочинение автора было горячо поддержано друзьями (более всех – Н. Страховым), в дискуссию о высказанных в книге идеях вступили В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Кареев. Н. К. Михайловский обратил внимание на методологическое значение труда Данилевского

для социологии. Ф. М. Достоевский высказался о том, что этому произведению необходимо стать «настойной книгой каждого русского человека».

В. Соловьев выдвинул критические возражения Данилевскому еще при его жизни и продолжил борьбу с его идеями, которые защищал Н. Страхов, после смерти ученого¹. Окруженный всеобщим признанием В. Соловьев отрицал сформулированные Данилевским новаторские подходы к социально-историческому процессу, обвиняя его в «национальном эгоизме». На фоне официальной «реакции», усилившейся при Александре III в 1880–1890-е гг., притязания на русскую самобытность заведомо подлежали негативной оценке, неизбежной со стороны нашей передовой интеллигенции. Все это сообщило фигуре ученого некоторую маргинальность. Он оказался не нужен и очень «не удобен» для соловьевского проекта «всемирной теократии», да и для любого другого проекта, призывающего русский народ к самопожертвованию ради достижения общечеловеческого блага. Что уж говорить о всемирных социал-демократических и коммунистических планах!

Критический анализ теории Дарвина, морфологический подход к органической эволюции, развиваемый Данилевским-биологом, были крайне враждебно восприняты нашими дарвинистами, и прежде всего К. А. Тимирязевым, который уже в 1865 г. издает «Краткий очерк теории Дарвина». Высокая оценка В. И. Лениным мировоззренческого значения теории Дарвина, критика К. А. Тимирязева, отвечающая официальной советской атеистической идеологии, надолго предопределили отношение к труду Данилевского «Дарвинизм» как к образчику «обскурантизма» – его просто не упоминали. Данилевский был аттестован националистом, шовинистом, панславистом и надолго почти забыт в России. Публикация «России и Европы» в 1991 г. и других работ ученого, современные отечественные и зарубежные исследования его наследия (например, в КНР [9]) меняют восприятие его идей, прогнозов, оценки его личности.

Обращение к творчеству Данилевского как к актуальному для нас мировоззренческому и методологическому источнику осмысления современного мира вызвано тем, что сама его личность убедительно демонстрирует, насколько теоретические построения социологии связаны с историческим видением исследователя и его аксиологическим сознанием. Рискнем предположить, что Данилевский, как и Михайловский, является для отечественной социологии своего рода «парадигмальной личностью» (определение К. Мангейма).

Н. Я. Данилевский не был «интеллигентом», т. е. носителем сущностных признаков этого социального слоя – идейности и беспочвенности. Начав в 1849 г. службу титулярным советником, в 1874 г. по совокупности трудов в Министерстве государственных имуществ он был произведен в Тайные советники. Таковых в российских гражданских ведомствах в то время насчитывалось всего около 500 чел. Впечатляющая восходящая мобильность бывшего участника собраний у Петрашевского и узника Петропавловской крепости²!

Сын генерала, отличившегося в Отечественной войне 1812 г., выпускник Царскосельского лицея, биолог, соратник великого Карла Берга, организатор и руководитель экспедиций для инвентаризации природных богатств России и определения условий и мер по их

¹ Интерес к полемике Соловьева и Данилевского сохраняется, представлены существенно различающиеся критические позиции. См. [7, 8].

² Жизненный путь Данилевского наиболее полно освещен в монографии Б. П. Балуева [10].

воспроизводству. Он исследовал рыбные запасы и промыслы в реках Волге и Урале, в Каспийском, Черном и Азовском морях, в дельте Кубани, в Белом море и в водах Архангельской губернии, Псковском и Чудском озерах.

Все законодательство о рыболовстве и рыбных промыслах в России во второй половине XIX в. было разработано на основе предложений Н. Я. Данилевского. Его научно-исследовательские работы 60–80-х гг. («Несколько мыслей по поводу упадка кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности» 1867 г.; «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов» 1883 г. и др.) имели, как мы сегодня сказали бы, экологическую и практико-экономическую направленность. Не будет натяжкой утверждать, что он явился и своего рода полевым социологом. Опираясь на доступную статистику и собранную в экспедициях информацию, Н. Я. Данилевский приводит доказательства необходимости для России протекционизма, укрепления финансовой системы, ряда социально-экономических мер по ликвидации дефицита в бюджете [11].

Книга «Россия и Европа» у современного читателя вызывает сильный эмоциональный отклик. То, что в 60-е гг. XIX в. казалось прочным и даже образцовым (добровольное соединение Малороссии с Россией), сегодня разрушается... Идеи о славянском союзе и роли в нем России выглядят утопией. Так оно и есть: утопии – это «эйдосы» конструктивного сознания, и они «работают» (как убедительно показал К. Мангейм на примере утопии раннего либерализма). При этом и тематические рубрики «Европа не признает нас своими», «Либерализм России не уменьшает вражды к ней», «Россия не может быть членом европейской политической системы», «Смотрение на дела России сквозь европейские очки», и целые страницы текста читаются так, будто они написаны сегодня.

Русско-турецкие войны, горькие уроки Крымской войны, подавление восстания в Польше в 1863–1864 гг.; присоединение Туркестанского края в 1865–1867 гг.; войны Пруссии и Италии против Австрии; Венский мир Австрии с Италией и присоединение Венецианской области к Италии; образование в 1867 г. Австро-Венгерской монархии и Северогерманского союза; славянский съезд в Москве в том же году. В контексте этих событий Данилевский заявляет актуальную до сих пор политическую повестку: Российская империя как автономный самодостаточный субъект (в географическом, ресурсном, хозяйственном, культурно-мировоззренческом аспектах) и соседствующая с ней и одновременно противодействующая ей Европа. В книге развернут социально-политический анализ исторических событий, преимущественно за истекшие 200 лет. Автор показывает, как формировались нерусские провинции России в Средней Азии, на Кавказе, в Закавказье, в Восточной и Северной Европе (Прибалтика, Финляндия, Польша). И какого перераспределения ресурсов в ущерб основным русским губерниям это потребовало. Проводится сравнение с колониальной политикой всех европейских империй. В результате доказывается, что войны, которые сопровождали присоединение российских провинций, были со стороны России не захватническими, а оборонительными.

Данилевский анализирует складывающееся международное разделение труда. Обращает внимание на преимущества, которые получают и сознательно (на уровне долгосрочной государственной политики) закрепляют явные лидеры мировой торговли, в первую очередь,

Англия. За счет колониального захвата Индии и Юго-Восточной Азии она извлекает все выгоды своего положения метрополии – максимально низкую цену на сырье и полуфабрикаты, обеспечивая масштабный промышленный переворот, создавая железные дороги, парусный и паровой флот. Исчерпание своей земли и почвы решается расширением за счет чужой. Современные данные исторической экономической статистики свидетельствуют о том, что совокупный ВВП Индии и Китая к концу XVIII в. превышал половину общемирового. Пирамида переворачивается за сто лет в пользу Англии и Франции, а затем и США за счет монополии на мировую торговлю.

В эпоху реформ в России все пришло в движение. Стала возможной критика правительства, публичные споры о перспективах самоопределения России в новую эпоху. Обсуждение социологических вопросов велось в «передовой журналистике» и было тесно связано с протестными настроениями и революционными движениями. Принятие «Временных правил о цензуре и печати» 1865 г., покушение Д. Каракозова на Александра II в 1866 г., закрытие в том же году журналов «Современник» и «Русское слово», появление «Отечественных записок» Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. К. Михайловского в 1868 г. и публикация «Исторических писем» П. Л. Лаврова, создание Первого Интернационала в 1864 г., выход первого тома «Капитала» К. Маркса в 1867 г., – все это обсуждалось в русском обществе. В этом полемическом контексте и складывается понятийно-категориальный аппарат русской социологии.

Н. К. Михайловский, типичный интеллигент, публицист, литературный критик, «народник», связанный с революционной организацией «Народная воля», и исследователь-естественник, чиновник и управленец Данилевский – оба пытаются осмыслить ход истории и место в ней России. Проблема России и Европы для Михайловского не менее животрепещуща. Но как различны предметы их внимания!

Михайловский, размышляя о социалистических перспективах России и о возможности миновать для нее капиталистическую стадию, видит альтернативу. «Можно требовать для России буквального повторения истории Европы в экономическом отношении: отнять у мужика землю и отправить его на фабрики, свести всю обрабатывающую промышленность в города, а сельскую предоставить мелким или крупным землевладельцам – не земледельцам. Таким путем различные общественные функции благополучно обособятся. Но можно представить себе и другой ход вещей. Можно представить себе поступательное развитие тех самых экономических начал, какие и теперь имеют место на громадном пространстве империи. Это будет, разумеется, опыт небывалый, но ведь мы и находимся в небывалом положении. Мы представляем собой народ, который был до сих пор, так сказать, прикомандирован к цивилизации. Мы владеем всем богатейшим опытом Европы, ее историей, наукой, но в то же время сами только оцарапаны цивилизацией... Мы успели вдоволь насмотреться на чужую историю и можем вести свою собственную вполне сознательно, – преимущество, которым в такой мере ни один народ в мире до сих пор не пользовался» [12, с. 823].

«Сознательно вести свою историю» – какое притязание! Даже радикальный К. Маркс полагал, что для прыжка в царство свободы должны «созреть» объективные предпосылки... Социалист-утопист воодушевлен идеей о свободном выборе идеала общественного развития, который призвана реализовать передовая интеллигенция. Он чает «освобождения

народа», индивидуальной свободы, гарантированной институционализацией политических и правовых свобод. Его внимание направлено на город, промышленный капитал, наемный труд. Внимание Данилевского – на природу и душу: климат, традиции землепользования, масштабы природных запасов, формы организации хозяйственной жизни, расширенное воспроизводство ресурсов и этнографические, социально-психологические, культурные характеристики русского народа. Значение таких факторов, как ресурсы и территория, с одной стороны, и культурно-исторические характеристики сообществ – с другой, сегодня осознается заново.

В самих личностях Михайловского и Данилевского, в их жизненных путях, в занимаемых ими гражданских позициях характерно выразилось расщепление эмансипирующейся социальной мысли на науку, ее практические приложения, управленческую деятельность, с одной стороны, и своего рода нравственно-педагогическую практику – с другой.

Жизнь и труды у каждого нераздельны, подчинены попечению о благе России. Данилевский простодушно служит отечеству – народу и его государству. Поясняет, что для решения государственных, общественно значимых (народнохозяйственных) задач нужны теоретические обобщения, опирающиеся на систематические наблюдения, требуется огромный объем эмпирических сведений. Обязательна опора на статистику и количественные методы («при одном качественном анализе явлений, как бы он ни был тонок, выводы, на нем основанные, всегда будут шатки» [11, с. 314]). Для Михайловского служение народу – это учительство и водительство. Субъектностью обладает только интеллигенция, а народ – объект воспитания и проповеди. Задача социального мыслителя – создать эйдос – прообраз идеологии. Разумеется, он должен быть последовательным и воинствующим в отстаивании своего идеала.

Приведем характерное суждение Михайловского, который вспоминает свои опыты «приложения молодых сил», свои «первые стычки с насилием и своекорыстием». «Есть общественные вопросы, очень сложные в своих подробностях и разветвлениях, но теоретически легко формулируемые, по крайней мере, в своих исходных точках» [13, с. 217]. Такой исходной точкой для Михайловского был идеал «двуединой правды» – «истины-справедливости». Верность ему – в «борьбе за индивидуальность» против любого общественного строя, утесняющего личность. Составной частью этой борьбы выступает и социология как наука о формах общественного сотрудничества, с которыми связана судьба личности. В обществе разделенного труда, враждебном гармоничной всесторонне развитой личности, объективность социального познания – вредный самообман, разделяемый и органической теорией Спенсера, и экономической «гипотезой» Маркса (так Михайловский подчеркнуто называл это учение). Обе эти теории обосновывают закономерность специализации и обеднения личности. Им-то Михайловский и противопоставляет так называемый субъективный метод в социологии. В чем же суть этого метода? И как нравственная позиция, разделяемый исследователем нравственный идеал могут выступить «методом»?

Логическую путаницу, связанную с интерпретацией субъективного метода в социологии, пытается устранить С. Н. Южаков, сочувственно к нему относящийся. Основные поправки Южакова сводятся к следующему. Субъективная школа не призывает к отказу от применения общенаучных методов исследования: исторические явления индивидуальны,

неповторимы, как данные факты, но как факты данного рода вполне повторяемы. Предвзятость свойственна не только социальным мыслителям, но и любому исследователю, который связан предрассудками эпохи, моральными убеждениями и заблуждениями, разделяемой теоретической позицией.

В истории действуют люди, преследующие цели, а потому общественные явления подлежат нравственной оценке. Соглашаясь, Южакوف полагает, что нравственная оценка не исключает задачи установления причинных связей в общественном знании, хотя и усложняет ее. Во внимание приходится принимать все смыслы понятия причины, выявленные еще Аристотелем, но нет никакого резона отказываться от рациональных критериев, от логоса. Положенная в основание субъективной школы «глубоко истинная идея о значении нравственной доктрины в социологии» признается, но отмечается, что сама нравственная доктрина должна получить научную социологическую интерпретацию. В самом деле: если мы отказываемся от религиозно-догматического обоснования нравственного идеала, рассматриваем «нравственность как продукт приспособления жизни к условиям общественности», то тем самым признаем, что нравственный идеал формируется в самой общественной жизни и получает выражение в «началах, которыми должна руководиться личность в ее отношении к обществу» [14, с. 38] (подлежащему при этом объективному анализу).

Несмотря на логическую виртуозность Южакова, внутреннее противоречие «субъективного метода» не разрешилось. Интереснейшая проблема связи аксиологического сознания исследователя (практика, общественного деятеля, политика и т. п.) с методом – постановкой познавательных задач, направлением научного поиска, над которой бился позднее М. Вебер, намечена, но не продумана. Социологическое же истолкование нравственности, порвавшее с религиозной почвой, не освободилось от догматизма, только иного рода.

Примем, что «нравственное есть не более, как истинные начала общественности, т. е. наиболее полно приспособленная жизнь к условиям социального существования». Но нравственный идеал может быть осуществлен только целостной личностью, которая его сознательно исповедует («с религиозною преданностью» – Михайловский). Только сознательно волимый и творимый общественный строй удовлетворяет личность, жаждущую истины-правды. Гражданское служение, политическая, партийная, революционная деятельность вытекают из моральной установки личности и имеют нравственное значение исключительно в силу их осознанности. Отметим внутреннее противоречие внерелигиозной нравственно-догматической позиции: нравственность имеет общественное содержание (однородное общество с развитой индустрией), но зависит от моральной установки, согласно которой только сознательно организуемое общество удовлетворяет свободную индивидуальность.

У Данилевского (исключительно яркая индивидуальность!) никакой озабоченности «борьбой за индивидуальность» не наблюдается. Как и претензий прилагать свой «нравственный идеал» (это «правила христианской нравственности», смиренно разделяемые с православием) в качестве мерила для оценки типов и стадий истории.

Интенсивность отношений Европы и России во второй половине XIX в. определяется не только соперничеством на международной арене, но и мощным воздействием западноевропейской науки и общественной мысли на идейные поиски русской интеллигенции и теоретические построения первых русских социологов. Не будет преувеличением утверждать,

что «английское направление обществоведения экономического толка» (Кареев), немецкая метафизика и французский социальный утопизм – «три источника» не только марксизма, но и всей русской социологии.

Общепризнанно влияние на зарождающуюся социологию теории Дарвина. Ее приложение к человеческому обществу (то, что позднее было названо социал-дарвинизмом) в учениях Конта и Спенсера, делаемые из них выводы, в том числе социалистические, заняли центральное место в нарождающейся социологической литературе пореформенной России. Соответствие социальной теории образцу научности обосновывалось именно опорой на открытые Дарвином законы эволюции. А. Б. Гофман справедливо замечает: «Было бы, однако, ошибочно видеть истоки социального дарвинизма только в теории биологической эволюции и считать его простым продолжением этой теории... Необходимо отметить, что биологическому редуccionизму <...> предшествовал социальный редуccionизм в теориях биологической эволюции. В данном случае мы видим любопытный пример «путешествия» понятий из сферы социального знания в естественнонаучное и обратно. Известно, что понятие “борьба за существование” Дарвин заимствовал у английского экономиста Томаса Мальтуса» [15, с. 130]. Заметим, что последний оказал и продолжает оказывать мощное влияние на английскую и вообще западную социальную мысль, вплоть до ее поздних плодов – трансгуманизма.

Говоря об историческом процессе, Н. Я. Данилевский впервые высказал мысль о различии не только степеней, ступеней, но и типов развития человеческих сообществ. Для постижения социально-исторического мира в его вариативности первостепенное значение имеет конструирование культурно-исторических типов. «Без подобного же различения – степеней развития от типов развития – невозможна и естественная группировка исторических явлений» [16, с. 71].

Это различие типов и степеней подхватили народники: хотя Россия и уступает некоторым европейским странам по степени развития, но по типу своего развития (имелись в виду прежде всего элементы общинного и мирского самоуправления), несомненно, превосходит их. Н. К. Михайловский сообразно своим убеждениям относительно социалистического будущего России и Европы в «Записках профана» пишет: «Европейские массы, равно как и лучшие умы в Европе, чем дальше, тем больше тяготеют к тому типу общественного строя, частное выражение и невысокую степень развития которого представляет наша община» [17, с. 761]. Своеобразие национально-государственного пути России в таких категориях обсуждать невозможно. Михайловский – атеист, народник и социалист-утопист – здесь близок к религиозному философу, стороннику всемирной теократии В. Соловьеву.

И Данилевский, и Михайловский различают типы и стадии. Культурно-исторические типы Данилевского – индивидуализирующие понятия для постижения истории. Типы и стадии Михайловского – универсальные понятия, описывающие социальную эволюцию. Их содержание определяется комбинаторикой значений переменных интегрированности – дифференцированности и однородности-разнородности.

«Культурно-исторические типы» – это особенные понятия, создаваемые для постижения исторических индивидуальностей. Историческое бытие присуще только тому, что временно в своей основе, – индивидуальности. Только она и совершает свою собственную

историю, осуществляет себя, сбывается (а не «имеет историю»). Историческая индивидуальность и есть подлежащее всех исторических суждений. История в этом смысле – межличностная, интересубъективная реальность, а типологические понятия – только конструкции, необходимые для того, чтобы уловить взаимодействие множества индивидов во времени и пространстве индивидуальных событий.

Данилевский был первым в ряду сторонников индивидуализирующего метода. Позднее идея исторической индивидуальности стала предметом методологической рефлексии неокантианцев и получила свое развитие в XX в. Типологический подход получил всестороннее обоснование в творчестве М. Вебера и его многочисленных последователей.

В противоположность абстрактному универсализму всемирно-исторической точки зрения и опирающейся на нее идеи социальной эволюции типологический подход позволяет осмысливать случайности и конкретно-исторические подробности, отображать значимые характеристики индивидуальных явлений, сопоставлять и обобщать их, не увязая в локальных исследованиях. Важно и то, что типологические понятия направлены на деидеологизацию, элиминирование идеологической заряженности (позитивной и негативной) предмета исследования. Это касается и понятия прогресса: «Прогресс <...> состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях» [16, с. 109].

Классическая социология сформировалась как наука в качестве теории возникновения современного индустриального общества в социальных образованиях традиционного типа и в противоположность им. Процесс модернизации осмыслен в ней как закономерная социальная эволюция. Не божественный промысел и откровение, а открываемые наукой закономерности определяют поток всемирной истории. Его изображения в классической социологии способствовали отождествлению истории и социальной эволюции, а впоследствии оформлению так называемого «историцизма» (К. Поппер). История предстала неким субъектом. Народы, действующие лица – орудиями реализации благих прогрессивных целей. Идея провиденциальной разумной необходимости, истолкование настоящего как истины прошлого и высокомерно-скептическое отношение к нереализованным возможностям – характерные черты своего рода «культы истории» как разновидности религии «человекобожества». К чести русской социальной мысли принадлежит то, что при всей популярности эволюционизма, порождаемого им схематизма и гражданских религий разного толка, в ней было отчетливо сформулировано неприятие отождествления истории с социальной эволюцией, скептицизм относительно предопределенности и обязательности прохождения всех стадий, ступеней и фазисов, уже достигнутых наиболее продвинутыми обществами, и самостоятельно сформулирована задача научного осмысления проблемы исторической индивидуальности.

Данилевского можно считать «пионером» синкретического метода исследования социально-исторических процессов – метода моделирования сравнительных типов. Мирозренческим основанием определения и выбора движущей силы и образца для «равнения» у Данилевского выступает не «автономный индивид», не свободная, творческая, имущая личность современного ему гражданского общества Франции и Англии, а национально-государственная культурно-историческая общность. Таким образом, вся известная и мыслимая

история понимается не как отдельный субъект, но и не только как сумма действий отдельных индивидов в разные исторические периоды («эпохи»), но как зарождение, становление, накопление сил, расцвет и увядание своеобразных цивилизаций. Вся проблематика, обсуждаемая в пореформенную эпоху в России 60–70-х гг. XIX в. в категориях долженствующих законодательно-управленческих норм формирования личности, ее прав и свобод, Данилевским признается, но фактически оказывается вторичной в поле его интересов и приоритетов.

Он предстает для нас, во-первых, как крупный социальный мыслитель, основоположник методологии анализа культурно-исторических типов. Как передовой чиновник правительства, разработчик долгосрочной экономической политики в части защиты национального рынка, расширения дешевого кредита в передовых отраслях. Наконец, как макроэкономист, статистик и учетчик, создающий систему базового знания о национальном богатстве страны (лес и рыба) и мерах по их воспроизводству.

Оригинальность подхода к осмыслению социально-исторического процесса в первую очередь проявляется в разрабатываемой Данилевским методологии: в определении объекта исследования и разработке категориально-понятийной структуры его анализа. Это можно назвать эволюционно-циклической системой жизни и смерти организмов, описываемой по аналогии с представлениями современных ему палеонтологии, ботаники, зоологии. Для обсуждения форм взаимодействия и взаимовлияния народов разных культурно-исторических типов в основном используются селекционно-ботанические аналогии: растение – почва, привитая культура – дичок, пересадка, удобрение и т. п. Думается, такие аналогии не определяют биологического редукционизма. У нас один язык для описания мира природы и мира человека, так что его метафоричность неизбежна. Ближайший пример так называемой мертвой метафоры – «культура».

Заключение. В заключение выскажем важное методологическое соображение: культурно-исторический тип – не реальный действующий субъект. Данилевский порой отождествляет культурно-исторический тип и самобытную цивилизацию. Но доминирующим выступает использование культурно-исторических типов в качестве идеально-типических понятий, пригодных как для анализа исторических событий, так и для построения моделей и сценариев того образа действий, которого Россия должна держаться.

Данилевский предвидел превращение Европы в политическое наднациональное образование. Рассматривая Россию в качестве «равновеликой» Европе, он ставит вопрос, для нас сегодня животрепещуще значимый: какой тип субъектности соразмерен природному и культурному потенциалу России? Обращение к началу русской социологии позволяет выделить точки расхождения в постановках вопроса и направлениях поиска ответа на него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравченко С. А. Геополитические вызовы и отечественная социология // Социол. исслед. 2023. № 2. С. 51–62. DOI: 10.31857/S013216250022096-8.
2. Волков Ю. Г. Книга В. И. Добренькова «Ценностноориентированная социология: проблемное поле постнеклассической социологии» (рецензия) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 30–36.
3. Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социол. журн. 1997. № 1–2. С. 5–37.

4. Козлова Л. А. К вопросу о методологии историографий в истории социологии // Социол. исслед. 2022. № 12. С. 101–112. DOI: 10.31857/S013216250022701-4.
5. Послание Президента Федеральному собранию РФ // Президент России. 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565#:~:text=http%3A//kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 15.03.2023).
6. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
7. Кантор В. К. Владимир Соловьев о соблазне национализма // Соловьевские исследования. 2010. № 4 (28). С. 35–47.
8. Балугев Б. П. Книга «Россия и Европа» – новое слово в историософии // Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: ИД «Булат», 2001. С. 84–193.
9. Ли Хайянь. Наследие Н. Я. Данилевского в Китае: историографический очерк // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 4. С. 18–26.
10. Балугев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: ИД «Булат», 2001.
11. Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб.: Издание Н. Страхова, 1890.
12. Михайловский Н. К. Из литературы и журнальных заметок 1872 и 1873 гг. // Сочинения Н. К. Михайловского. Т. I. СПб.: Книгоиздательство «Русское богатство», 1906. С. 649–986.
13. Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995.
14. Южаков С. Н. Субъективный метод в социологии // Антология русской классической социологии: тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 30–50.
15. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Книжный дом «Университет», 1999.
16. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
17. Михайловский Н. К. Записки профана / Сочинения Н. К. Михайловского. Т. III. СПб.: Издание редакции журнала «Русское богатство», 1897. С. 275–904.

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.03.2023; принята после рецензирования 03.04.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Kravchenko, S.A. (2023), "Geopolitical Challenges and Russian Sociology", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 51–62. DOI: 10.31857/S013216250022096-8.
2. Volkov, Yu.G. (2012), "The book of Dobrenkov V.I. value-oriented sociology (book review)", *Moscow State Univ. Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science*, no. 2, pp. 30–36.
3. Filippov, A.F. (1997), "On the concept of "theoretical sociology"", *Sociological J.*, no. 1–2, pp. 5–37.
4. Kozlova, L.A. (2022), "On the methodology of historiographies in the history of sociology", *Sociological Studies*, no. 12, pp. 101–112.
5. "Address of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation" (2023), *President of Russia*, 21.02.2023, available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565#:~:text=http%3A//kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (accessed 15.03.2023).

6. Kareev, N.I. (1996), *Osnovy russkoi sotsiologii* [Foundations of Russian Sociology], Izd-vo Ivana Limbakha, SPb., RUS.
7. Kantor, V.K. (2010), "Vladimir Solovyov on the temptation of nationalism", *Solovyov Studies*, no. 4 (28), pp. 35–47.
8. Baluev, B.P. (2001), "The book "Russia and Europe" – a new word in historiosophy", *Spory o sud'bakh Rossii: N. Ya. Danilevskii i ego kniga "Rossiya i Evropa"* [Disputes about the fate of Russia: N. Ya. Danilevsky and his book "Russia and Europe"], ID "Bulat", Tver, RUS, pp. 84–193.
9. Lee Hayan (2009), "The legacy of N.Ya. Danilevsky in China: a historiographical essay", *Moscow Univ. Bulletin. Ser. 7. Philosophy*, no. 4, pp. 18–26.
10. Baluev, B.P. (2001), *Spory o sud'bakh Rossii: N. Ya. Danilevskii i ego kniga "Rossiya i Evropa"* [Disputes about the fate of Russia: N. Ya. Danilevsky and his book "Russia and Europe"], ID "Bulat", Tver, RUS.
11. Danilevskii, N.Ya. (1890), *Sbornik politicheskikh i ekonomicheskikh statei* [Collection of political and economic articles], Izdanie N. Strakhova, SPb., RUS.
12. Mikhailovskii, N.K. (1906), "From the literature and journal notes of 1872 and 1873", *Sochineniya N.K. Mikhailovskogo* [Works of N.K. Mikhailovsky], vol.1, Knigoizdatel'stvo "Russkoe bogatstvo", SPb., RUS, pp. 649–986.
13. Mikhailovskii, N.K. (1995), *Literaturnaya kritika i vospominaniya* [Literary criticism and memoirs], Iskusstvo, Moscow, RUS.
14. Yuzhakov, S.N. (1995), "Subjective method in sociology", *Antologiya russkoi klassicheskoi sotsiologii: teksty* [Anthology of Russian classical sociology: texts], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, RUS, pp. 30–50.
15. Gofman, A.B. (1999), *Sem' Inetsii po istorii sotsiologii* [Seven lectures on the history of sociology], Knizhnyi dom "Universitet", Moscow, RUS.
16. Danilevskii, N.Ya. (1991), *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe], Kniga, Moscow, RUS.
17. Mikhailovskii, N.K. (1897), "Notes of a layman", *Sochineniya N. K. Mikhailovskogo* [Works of N.K. Mikhailovsky], vol. III, Izdanie redaktsii zhurnala "Russkoe bogatstvo", SPb., RUS, pp. 275–904.

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy, 1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.03.2023; adopted after review 03.04.2023; published online 22.06.2023.*